

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

выпуск
29 (92)

ИСТОРИЯ
И ФИЛОЛОГИЯ

Уважаемые читатели!
В связи с тем,
что „Палестинский сборник“,
вып. 29 был издан в 1984 г. в Горьком,
просим считать настоящий сборник
выпуском 29 (92) —
Редакционный совет РПО

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1987

572 гг.". Вместе с тем, продолжает исследовательница, общепризнанно, что „каким-то важным поворотным пунктом в истории Земледельческого закона (возможно, его официальное признание) было время издания Эклоги императорами Львом III и Константином V" в 726 г. (с. 138–141). Датировка же рукописей подсказывает, что Закон должен был существовать до IX–X вв.

Но эти суждения распространяются на время создания юридического памятника как такового. Содержащееся в нем право имеет очень давнее происхождение, в какой-то части оно смыкается даже с Моисеевым законодательством. Внутренняя критика не дает возможности привязать юридические нормы Закона к какой-либо определенной местности, ареал же упомянутых в нем сельскохозяйственных культур (например, винограда) очень широк. Но эта неопределенность носит объективный характер, зафиксированные здесь нормы отражают типические черты сельской жизни, характерные для многих обществ и действительно на протяжении столетий. Нет оснований сомневаться в адекватности этих норм сельской практике. Но не следует, по-видимому, и рассматривать их как новшества, появившиеся на определенном историческом отрезке времени. Сельскохозяйственная практика эволюционировала чрезвычайно медленно, и правила, запечатленные в Законе (в том числе и те, которые относятся к общинной организации), могли отражать не новшества, а давно устоявшиеся традиции.

К.Н. Юзбашян.

Е.Н. Мещерская. Легенда об Авгаре – раннесирийский литературный памятник (исторические корни в эволюции апокрифической легенды). М., 1984, 250 с.

„Мысль о том, что какой-нибудь греческий текст может зависеть от сирийского оригинала, никак не умещается в голове некоторых византинистов, они проявляют себя в этом отношении более греками, чем сами греки", – писал в свое время один из крупнейших исследователей восточнохристианских литератур П. Петерс.¹ Учитывая тенденции, проявляющиеся в работах последних десятилетий, можно считать, что большинство ученых уже свыклись с подобной мыслью. Значительную роль в этом деле, на наш взгляд, сыграли исследования советских сириологов Н.В. Пигулевской, А.В. Пайковой и др. Работа Е.Н. Мещерской, посвященная одному из замечательных памятников раннесирийской литературы, успешно продолжает эту линию, что четко сформулировано в следующем рассуждении автора: „На примере распространения легенды об Авгаре ясно видна тесная связь, которая продолжала существовать между Востоком и Западом в процессе складывания и развития всех видов раннехристианского искусства (и в частности, апокрифической литературы). Это было не одностороннее воздействие Востока на Запад или наоборот, выразившееся в заимствовании через перевод, но глубокое взаимодействие, когда полученный на Западе в результате перевода сюжет, обогащенный и видоизмененный, вновь возвращался на Восток" (с. 6).

Легенда о перепелке царя Авгара Уккамы с Иисусом Христом, о проповеди апостола Аддая (Фаддея) в Элессе, о чудесном исцелении царя от неизлечимой болезни, об обращении царского двора и населения города в христианство является одним из популярнейших сюжетов, бытовавших в средние века в христианских литературах византийского культурного круга. Легенда в своем наиболее древнем состоянии зафиксирована в двух основных источниках: „Церковная история" Евсевия Кесарийского; сирийский текст „Учения Аддая". Все остальные средневековые версии и редакции легенды, а также апотропеические тексты восходят к этим источникам.

Вторая половина XIX в. ознаменовалась в сириологии открытием и всесторонним изучением многих выдающихся произведений раннесирийской литературы, „Учение Аддая", содержащее наиболее полную версию легенды об Авгаре, относится к числу этих произведений. В 1864 г. В. Кьюртон напечатал пространные отрывки из сирийского текста „Учения", содержащиеся в двух рукописях Британского музея. В 1868 г. Л. Алишан издал армянскую версию этого памятника с параллельным французским переводом. В 1876 г. Д. Филлипс опубликовал полный

текст сирийского оригинала по петербургскому списку памятника и с учетом данных издания В. Кьюртона. Затем одно за другим появились ценные исследования Р. Липсиуса (1880 г.), Т. Цана (1881 г.), К. Маттеса (1882 г.), А. фон Гутшмида (1887 г.), Л. Тиксерона (1888 г.), И. Ташяна (1890 г.),² А. Каррье-ра (1895 г.) и Э. фон Добшоца (1899-1900 гг.). Таким образом, ни один сирийский литературный памятник по степени изученности не может сравниться с этим апокрифическим произведением.

В этих исследованиях получили всестороннее освещение почти все проблемы, касающиеся происхождения и исторических корней легенды, источников и эволюции письменных памятников, их взаимоотношений и идеологических расхождений и т.д. Разработка перечисленных проблем сопровождалась выявлением все новых и новых фактов историко-литературного характера, огромного количества разноязычных версий и эпиграфических вариантов легенды. Казалось, что наука уже полностью удовлетворена результатами работ ученых XIX в. Иначе невозможно объяснить, почему за прошедшие десятилетия нашего века не было написано ни одного специального исследования, посвященного этой теме. При данных обстоятельствах, естественно, может возникнуть вопрос: в чем заключается новизна рецензируемой монографии и ее ценность для современной сирологии?

В первую очередь, конечно, в факсимильном издании уникальной рукописи ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (сир.нов.сер., № 4), содержащей полный текст сирийского оригинала „Учения Аддая“, которое к тому же сопровождается превосходным переводом памятника на русский язык и обстоятельным историко-филологическим комментарием. Одно это уже предоставляет в распоряжение ученых надежный инструмент для дальнейших, более углубленных работ по изучению замечательного сирийского апокрифа. С другой стороны, своей публикацией Е.Н. Мещерская возмещает долг советского востоковедения перед сирийской культурой; благодаря этой публикации хранящаяся в Ленинграде сирийская рукопись отныне навечно спасена для науки.

В первых двух главах монографии подробно рассматриваются проблемы времени и места первоначальной письменной фиксации легенды, а также вопросы истории возникновения „Учения Аддая“. Основательный текстологический анализ источников приводит автора к выводу о том, что „первоначальная письменная фиксация легенды о переписке Авгара с Христом принадлежит времени царствования Авгара Великого. Легенда служила целям идеологического оправдания развернувшихся после 202 г. н.э. событий по христианизации Эдессы“ (с. 33). Этот вывод дает основание предположить, что запись легенды восходит к эдесскому царскому архиву (с. 32-33). Что же касается „Учения Аддая“, то, исходя из возможного времени возникновения его отдельных композиционных частей, а также идеологической направленности, присущей произведению, его создание следует отнести к началу V в.“ (с. 53).

Однако основной акцент в исследовании Е.Н. Мещерской, в отличие от предшествующих работ, сделан на дальнейшей судьбе легенды, на ее эволюции в средние века. С этой точки зрения исключительный интерес представляют апотропеические (заклинательные) тексты, изучению которых посвящена третья глава монографии (с. 56-68). Как известно, отрывок из легенды об Авгаре, включающий его переписку с Христом, в средние века использовался в качестве магического текста – амулета, талисмана. До нас дошли многочисленные копии писем, выполненные на камне, папирусе, пергамене, черепках и т.д. Основными текстами этого типа являются Фаумский, Гетеборгский и Ниссанский папирусы, датированные VI-VIII вв., а также Евхитская, Понтийская (2), Эфесская, Македонская и Эдесская надписи, которые относятся к IV-V вв. Автор привлекает эти тексты в качестве вспомогательного материала при исследовании апокрифического сказания, достигая при этом интересных результатов. Нелишне отметить, что все названные тексты переизданы и переведены на русский язык в приложении к рецензируемой книге.

Помимо бытования в качестве апотропеического текста, легенда об Авгаре имела и литературную историю в греко-византийской литературе. Особую популярность она получила в период иконоборческих споров, когда в нее был включен новый мотив, связанный с нерукотворенным образом Христа. Этот мотив

отразился в трех основных письменных памятниках («Деяния апостола Фаддея», «Повесть императора Константина о нерукотворенном образе» и «Послание Авгара»), изучению которых посвящена IV глава исследования. Дальнейшее развитие этот мотив получил в славянских литературах, породив ряд переложений и самостоятельных обработок известного сюжета. обстоятельный анализ этих памятников дан в V, последней главе монографии.

Глубокое изучение многоязычного и разнохарактерного материала позволяет автору прийти к следующему общему заключению: «Весь многоязычный цикл легенд об Авгаре оказывается неразрывно связанным с культурой, литературой и историей народов Ближнего Востока и Европы на протяжении более чем тысячелетнего периода. неизменный интерес к легенде в течение столь длительного промежутка времени объясняется ... тем, что она пережила в своем развитии несколько возрождающих ее импульсов. сначала на сирийской, а затем на греческой и на славянской почве, когда на ее основе создавались актуальные произведения, выражавшие идеологические устремления целого исторического этапа» (с. 113). Полностью разделяя мнение Е.Н. Мещерской, мы хотим добавить только, что сирийская легенда пережила настолько же интересную эволюцию и в армянской действительности.

Известно, что в средние века разгорались бурные споры вокруг сфер влияния и авторитета патриарших престолов, каковыми являлись Рим, Ефес (позднее Константинополь), Антиохия, Иерусалим и Александрия. Армянскую церковь, в частности, обвиняли в том, что она не подчиняется ни одному из этих престолов, установленных по традиции святыми апостолами. Со своей стороны армянская церковь старалась привести аргументы в пользу того, что она тоже была основана учениками Христа. Большое значение в этом деле отводилось именно легенде о царе Авгаре и апостоле Аддае.

Армянский перевод «Учения Аддая», выполненный в V в., почти слово в слово совпадает с сирийским текстом до того эпизода, где рассказывается о болезни и кончине Аддая. Начиная с этого момента армянский текст значительно расходится с сирийским. Все те отрывки сирийской версии, в которых речь идет о болезни, смерти и погребении апостола, в армянском переводе подвергнуты коренному редактированию, притом с такой последовательностью, что ничто не напоминает о его смерти. Согласно армянскому переводу, Аддай оставляет вместо себя в Эдессе своего ученика Аггая, а сам отправляется на Восток для распространения там христианства. Чтобы дать представление о методе работы армянского переводчика, достаточно привести лишь один пример. В сирийском оригинале о смерти Аддая впервые упоминается в следующем контексте: «После всего этого заболел он болезнью, из-за которой и покинул этот мир». Вместо этой короткой фразы в армянской версии стоит: «После всего этого апостол Аддай пожелал отправиться в сторону Востока, в страну Ассирийскую, чтобы и в тех местах проповедовать и распространять новое учение Христа, а также строить церкви во всех провинциях и селениях восточного края».

Смерть апостола в сирийском оригинале «Учения Аддая» упоминается восемь раз, и во всех случаях в армянском переводе мы сталкиваемся с подобным воспроизведением текста. Проявленная здесь тенденция не ограничивается только этим памятником. На его основе впоследствии был создан собственно армянский апокриф («Мученичество Фаддея»), повествующий о проповеднической деятельности Аддая в Армении, об обращении Сандухт, дочери царя Санатрука, в христианство, о ее мученической смерти и, наконец, о казни апостола. Нелишне отметить также, что «Учение Аддая» наряду с известной главой «Церковной истории» Евсевия Кесарийского является одним из основных источников «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци. В редакции армянского историка мы наблюдаем дальнейшее развитие указанной тенденции. Здесь уже не только Аддай выступает апостолом Армении, но и сам Авгар становится армянским царем. Эта традиция в дальнейшем настолько укоренилась в армянской историографии, что даже сами сирийцы стали считать Авгара царем Армении. С подобным фактом мы сталкиваемся, например, в так называемой «Анонимной хронике 1234 г.», написанной неизвестным сирийским автором XIII в. Об особой популярности сирийской легенды в Армении свидетельствуют многочисленные прозаические и поэтические сочинения, созданные по ее мотивам средневековыми армянскими писателями.

История эволюции легенды на армянской почве, таким образом, лишний раз подтверждает точку зрения Е.Н. Мешерской, согласно которой средневековые переработки сирийского апокрифа выражали идеологические устремления определенных исторических эпох. Именно в выявлении культурно-идеологической функции сирийской легенды, на наш взгляд, состоит основное достоинство рецензируемой работы, написанной высококвалифицированным специалистом, в чьем лице удачно объединяются профессиональный сириолог, византист и славист.

П р и м е ч а н и я

¹ Peeters P. Le tréfonds oriental de l'hagiographie byzantine. Bruxelles, 1950, p. 176.

² К сожалению, работа И. Ташьяна ускользнула от внимания Е.Н. Мешерской. См.: Dashian J. Zur Abgar-Sage. — Separatabzug aus der „Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes“, IV Bd, Heft 1–3, Wien, 1890. 55 S.

Л.А. Тер-Петросян.

НОВЫЕ РАБОТЫ ЛЕНИНГРАДСКИХ АРАБИСТОВ

О.Г. Большаков. Средневековый город Ближнего Востока (VII–середина XIII в.): Социально-экономические отношения. М., 1984. 344 с.

Книга ленинградского арабиста О.Г. Большакова – плод многолетнего труда автора, включая его участие в археологических раскопках.

Источниковедческий фундамент исследования огромен: он охватывает фактически все основные опубликованные средневековые арабские источники от папирусов и исторических хроник до энциклопедических справочников.

Книга состоит из введения и шести глав. Во введении критически рассматривается западная историография и намечаются конкретные задачи по изучению социально-экономической истории арабского города. Здесь особенно интересным и методологически перспективным представляется определение города как населенного пункта, основной функцией которого является концентрация и распределение прибавочного продукта.

В I главе – „Ближневосточный город и арабское завоевание“ – автор развивает то положение, что средневековый „мусульманский“ город Востока не был своеобразным явлением, ничем не связанным с позднеантичным городом. Рассматривая научную литературу по византийскому городу, автор приходит к выводу, что к моменту арабского завоевания он был почти полностью подчинен государству, его внутренняя автономия и институт гражданства исчезли, причем различные города находились на разных стадиях разложения полисных традиций. Арабское завоевание не преобразовало всю социально-экономическую структуру города, привнеся к изменению лишь его социальной верхушки.

Во II главе автор подвергает проверке признанное положение о небывалом расцвете городов Ближнего Востока в конце IX–X в. в его количественном аспекте. Он приходит к существенному выводу: число городов с VII по X в. не претерпело заметных изменений. Подъем городской жизни к началу X в. был, скорее, восстановлением уровня, нарушенного арабским завоеванием.

III глава посвящена выяснению размеров городов и численности населения. Выводы этой главы также разрушительны для традиционных представлений: в VII–XII вв. на Ближнем Востоке значительного территориального роста городов не происходило. Численность населения городов и отдельных стран отличалась своей стабильностью; испытывая некоторые колебания, она не превышала определенного максимума.